

18+

ЕЛЕНА ДОНИНА-ЧЕМБЕР

Первые повести

ДЕВОЧКА С БЕЗДОМНЫМИ
ГЛАЗАМИ

БУС

Елена Дони́на-Чембер

**Первые повести. Девочка
с бездомными глазами. Бус**

«Издательские решения»

Донина-Чембер Е.

Первые повести. Девочка с бездомными глазами. Бус / Е. Донина-Чембер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961620-3

Повесть «Девочка с бездомными глазами». Начальник детской комнаты милиции разрешает девочке-подростку из неблагополучной семьи пожить в деревенском доме. Но желание помочь оборачивается трагедией. Подозрение падает на владельца дома, и он вынужден искать настоящего преступника, чтобы доказать свою невиновность. Повесть «Бус». Любовь слепа — считают люди. Любовь безгранична и бессмертна — считают собаки. Эта история о собаке-поводыре, его любимом человеке, его любимой и их влюблённых детях.

ISBN 978-5-44-961620-3

© Донина-Чембер Е.
© Издательские решения

Содержание

Девочка с бездомными глазами	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	10
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	13
ГЛАВА ПЯТАЯ	15
ГЛАВА ШЕСТАЯ	17
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	20
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	23
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	25
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	26
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	27
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	28
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	31
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	32
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	34
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	36
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Первые повести
Девочка с бездомными глазами. Бус
Елена Дони́на-Че́мбер

© Елена Дони́на-Че́мбер, 2019

ISBN 978-5-4496-1620-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девочка с бездомными глазами

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Уроды, ушлёпки... уроды, ушлёпки, – она слегка поморщилась, пытаясь подобрать ещё одно слово на «у».

Продольные многократно перекрашенные доски больно врезались в голые загорелые ноги девушки, часа полтора просидевшей на одной из параллельно расположенных скамеек. Она, то подкладывая руки под прилипавшие ноги, то пододвигалась так, чтобы край скамейки совпадал с краем шорт.

– Убийцы... Не, не убийцы. Так, уроды. И ушлёпки, – она мысленно усмехнулась двум парням, встреченным накануне, особенно тому, лицо которого успела разглядеть, и который охотно набивался в мамины зятя.

Непонятно, было ли ей душно или просто скучно, но время от времени, она облизывала языком пересохшие небольшие губы и, оттянув указательным пальцем горловину, или сильно сведя плечи вперёд, от чего футболка провисала, дула на грудь.

Безжалостно пошаркав по земле балеткой с чуть расклеенным мысом, девушка поправила, рядом лежащий, потрёпанный полиэтиленовый пакет с чем-то мягким и лёгким, вероятно, одеждой.

В пятнадцать лет она выглядела весьма заманчиво, во многом благодаря умеренной «пышности», сбитости тела, скорее женской, нежели девичьей. Светло-русая, рыжеватая, коса повторяла путь выгнутого позвоночника, периодически выпрямляющегося и снова возвращающегося к положению дуги, а не чисто зелёные, слегка мутные, глаза, равнодушно следили за входящими в здание сотрудниками полиции.

Сосчитав количество окон в каждом ряду (тринадцать), и перемножив на количество этажей (четыре), девушка стала считать окна, в которых со вчерашнего дня закрыты жалюзи, затем те, в которых уже открыты. Переключилась на шишки, висящие на верхних ветках старой ели, посаженной здесь задолго до постройки этого бело-кирпичного здания.

Она вздрогнула и резко подняла голову.

– Чё припёрлась? – сверху на неё давила взглядом девушка, похожая на пацана не только одеждой и короткой стрижкой, но и голосом. Сняв с плеча чехол с гитарой, и потянув воротник дешёвой клетчатой рубашки, она поставила инструмент на скамейку.

– Матвея Александровича жду, – ответила девушка в шортах и неуступчиво уставилась на собеседницу.

– Не хрен его ждать. Вали отсюда, – гитаристка достала из оттопыренных карманов джинсов сигареты и зажигалку, закурила, и села на другой конец скамейки.

Девушка в шортах усмехнулась и опустила голову.

Гитаристку звали Аней. Внешне обычная, угловатая, чуть нескладная. В детстве о ней с умилением говорили: «Какая беленькая!», потом Белобрысенькая, и наконец, Белобрысая, Белобрыса, и даже, Крыса-белобрыса. И предательски-белыми были не только волосы, но и брови и ресницы.

– Ты чё глухая? Проблемы сама решай, – гитаристка поправила многочисленные браслеты на руках, закусив сигарету зубами.

Девушка в шортах пересела на скамейку напротив, приняв ту же позу. Усмехнулась гитаристка.

Стройная блондинка с кривоватыми ногами, но, видимо, не комплексовавшая по этому поводу, в туфлях на высоких каблуках и погонами майора полиции на аккуратных плечиках, продефилировала по широкой бетонной дорожке между скамейками.

– Куропатка! – полетел вдогонку крутой Анькин голос.

Блондинка остановилась. Невероятным усилием сдержала желание повернуться, и, не наклоняясь, поправила туфлю. После чего, быстро «перебрав» ступени невысокого крыльца, оказалась под козырьком с надписью «ГОРОДСКОЙ ОТДЕЛ ПОЛИЦИИ», и вошла в здание.

Надя, девушка в шортах, усмехнулась.

– Чё надумала?

В ответ Надя втянула голову в плечи и, дунув на грудь, отвернулась в противоположную от здания сторону.

Обе девушки никогда не состояли на учёте в Детской комнате милиции, но обе пришли по «её душу», вернее по душу её начальника. И через пару минут на дорожке показались две фуражки, одна из которых принадлежала долгожданному Матвею Александровичу.

Надя была готова вскочить, как клоун на пружине, выпрыгивающий из коробки, но она даже руки не могла вытащить. Мужчины приближались, и Надя непроизвольно улыбнулась.

– Рот прикрой! – успела крикнуть гитаристка, и отвернулась, словно ждала того, кто должен выйти из отдела.

Высокий подполковник, худоватый для своего роста, смуглый, с лёгкой сединой и тёмно-кариными глазами, заинтересовано слушал «первую фуражку», высокого смазливого майора, кивал, и слегка растягивал тонкие губы в улыбку, предвкушая уморительную развязку. И как только рассказчик замолчал, он искренне рассмеялся хриловатым смехом, и, почувствовав подкатывающее першение, слабо кашлянул в кулак, упёртый в чуть широковатый нос и тут же осмотрелся.

Они поравнялись со скамейками. Подполковник, почти беззвучно шевеля губами, поздоровался с Анькой, на что она ответила тем же, а тот, кто развеселил подполковника, с интересом посмотрел на Надю, которая, напротив, вылупилась на подполковника. Он же мельком глянул в её сторону и резко остановился.

– Белоусова?

– Я... – почти прошептала Надя и выпрямилась как по стойке смирно. Майор тоже как будто подрост, и машинально поправил и без того идеальный галстук.

– Что случилось? – подполковник непроизвольно и быстро осмотрел её с ног до головы, отметив про себя, что девочка подросла.

Надя замялась и умоляюще посмотрела на него.

– Или как в прошлый раз? – подполковник устало и недоверчиво вздохнул. – Минут через сорок заходи, повезёт, поговорим.

Надя кивнула и расплылась в широчайшей улыбке.

– Саньч, ты уверен, что она несовершеннолетняя? – поинтересовался майор, и, сверкнув шкродными глазами, обернулся. Подполковник вместо ответа на ходу рукопожатием поздоровался с кем-то в штатском.

Когда обе фуражки скрылись за серой железной дверью, Анька подошла к Наде, и оказалась ниже почти на голову.

– Вали отсюда! – процедила она сквозь зубы.

– Сама вали! – ответила осмелевшая Надя и села, откинувшись на спинку скамейки и закинув ногу на ногу.

– Убью...! – послышалась тихая угроза, после которой Анька накинула чехольную лямку на плечо и быстро ушла.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Маринину всегда хватало внимания. Одноклассницы, однокурсницы, коллеги, подчинённые, и, наконец, поднадзорные девочки – маленькие воровки и проститутки, промышлявшие этим, чтобы выжить, а не разжиться деньгами – если не поголовно, то через одну, были влюблены в Матвея Александровича.

Без преувеличения, он полжизни проработал в Детской комнате милиции, позднее переименованной в Отделение по работе с несовершеннолетними. За это время он видел тысячи мальчиков и девочек, запуганных, немых, голодных, обиженных, вшивых и с болячками деликатного характера, ворующих, обманывающих, жестоких, но всегда дико несчастных. Первые лет пять желание помочь зачастую выходило за рамки его полномочий, потом смирился, осознав, что не может сделать счастливыми всех и сразу. Хотя бы потому, что некоторым для счастья был необходим сам Маринин.

Влюблённые девочки писали из колоний, караулили у работы, пробивались на приём. Он, в каком-то смысле, привык к этой девичьей любви, но всё равно немного чувствовал себя виноватым потому, что уже пострадавшие от действий или бездействия взрослых, они снова были не поняты и отвергнуты.

Девочки вырастали, влюблялись, выходили замуж (или нет), и, случайно повстречав женщину с детьми, которая радостно его окликала:

«Матвей Александрович, здрасьте!», он сначала смотрел, даже всматривался, а потом спрашивал: «Иванова?» И она радостно отвечала, что уже не Иванова, а скажем, Петрова.

С пацанами было проще. Помог – спасибо, не помог – сука.

Так и случилось с Анькиным братом.

Из своих девятнадцати лет, последние шесть Аня была круглой сиротой. Её отец, приревновав жену к своему двоюродному брату, пырнул (крайне неудачно) его ножом. Из тюрьмы он не вышел, мать стала сильнее пить, и в свой день рождения, в самый разгар веселья, открыла кухонное окно и шагнула вниз.

Аню и Илью, младшего брата, взяла под опеку бабушка, но её опека не устроила органы опеки, и их быстро определили в детский дом. Через пару месяцев Илья попался на краже денег у воспитателя, но шум поднимать не стали – сделали внушение и посадили в карцер. Но Илья, как не просила его сестра «не тупить», снова попался, но уже на городском рынке. Его привезли к Маринину, который всё уладил, взяв честное пацанское, что тот больше не будет воровать. Но Илья рассудил по-своему и, что называется, допрыгался, получил первую судимость. И пошло-поехало.

Так, белобрысая гитаристка познакомилась с Матвеем Александровичем, которого любила сильно и, разумеется, безответно.

Аня жила в общежитии Краевого колледжа культуры, в котором обучалась на отделении «Инструментального исполнительства». Она регулярно писала брату короткие письма, потому что Илья её чувств к Матвею Александровичу не понимал, а его самого попросту ненавидел, и два-три раза в неделю прибегала к отделу полиции, увидеться с Марининым.

Надя тоже любила Матвея Александровича и считала себя однолюбкой. Ведь, кто бы и как сильно ей не нравился, а ей нравились многие, и многих она любила, она всегда помнила о Матвее Александровиче. И разочаровавшись в очередной раз, она понимала, что лучше его никого нет. Они и познакомилась благодаря любви – Надя подралась в школе из-за мальчика, но по факту, её избил. Отлежавшись дома несколько дней, плача от боли и обиды, она решила расквитаться со своими обидчицами поодиночке, и первой выхватила ту, с кем не поделила ухажёра. Остальным повезло – мстительницу оперативно обезвредили по заявлению пострадавшей стороны.

Родители, разукрашенной Надей, соперницы потребовали справедливого наказания для малолетней изуверки, но Надя завернула такой ядреный оборот, что мать пострадавшей кинулась на неё с кулаками. Маринин оттащил взбесившуюся женщину и потребовал, что бы все, кроме Нади, вышли из кабинета.

Оставшись наедине, Матвей Александрович попросил рассказать, как всё произошло и из-за чего. Надя, давясь слезами, рассказала, при этом, задрав футболку, показала разбросанные по телу пожелтевшие синяки. На вопрос, почему она не подала заявление, совершенно искренне отвечала, что было страшно и стыдно, особенно, «если бы в школе узнали, а мама вообще сказала, что сама виновата».

Уладив дело миром, Матвей Александрович сказал Наде, что если у неё будут неприятности, чтобы она смело обращалась к нему. Надя это запомнила, и когда пришла к нему в тот самый прошлый раз, о котором он ей напомнил, хотела заявить на нового сожителя матери, который напишется, попытается залезть к ней в трусы. Но увидев Матвея Александровича, застыдилась, и получилось, что пришла от скуки ради.

Мать Нади – тихая алкоголичка с обострениями, которые стабильно случались раз в месяц после зарплаты, а с годами любое застолье могло послужить поводом для запоя. Периодически у неё появлялись новые «мужья», которые пытались домогаться Нади. Пока она была маленькой, мать, только заподозрив неладное, сразу выгоняла «любимого», но когда Надя подросла, стала ревновать и обвинять в том, что та сама провоцирует, потому что завидует ей, и ненавидит. Надя рыдала, доказывая, что это не так, и убегала из дома, проклиная мать и всех её любовников.

После того как кто-то из соседей сообщил в органы опеки, что в семье Белоусовых не всё в порядке, Надю забрали в социально-реабилитационный центр, пригрозив несознательной, и дышащей перегаром, мамаше лишением родительских прав. Мать бросила пить, и, продержавшись полгода, сорвалась. Надя стала убегать из дома не на час или два, как раньше, а на несколько дней. Поначалу было страшно, но потом даже понравилось, и с наступлением лета Надя, прихватив некоторые вещи и остатки зарплаты, уехала в неизвестном направлении.

Каникулы, которые она сама себе устроила, оказались недолгими и небезмятежными. Деньги быстро закончились, и она устроилась на рынок, где её обворовали – украли телефон и часть вещей. Она решила вернуться домой, но боялась матери. Поэтому и пришла к Матвею Александровичу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Маринин был мужем и отцом. Необразцовым. Дочь – студентка второго курса какого-то экономического института считала себя папиной дочкой, но с маминым характером и воспитанием. Что касается жены, то нельзя сказать, что он любил её по-прежнему, но по-прежнему считал самой красивой и, скорее, не мужское желание, а нежелание делить свою жену с кем бы, то, ни было, вынуждало держать её в поле зрения и уделять внимание. Но это не мешало ему много лет иметь любовницу – майоршу с кривыми ногами, занимавшую должность его заместителя. Они неоднократно расставались и сходились, и всегда по инициативе Риты. И если с женой он не хотел разводиться, разве что, в моменты ссор и скандалов, когда она выводила его из себя, и хотелось воспользоваться табельным Макаровым, то о расставании с Ритой, думал всё чаще. Особенно, после того, как стал подозревать, что она играет на два фронта. С одной стороны, он её не осуждал, понимая, что женщина хочет мужа и детей, но с другой стороны, после того как он это почувствовал, хоть и не прекратил отношений, началось охлаждение и отчуждение.

Как и Маринин, Рита не хотела проблем на работе, которые не могли не возникнуть в случае их разрыва, и теша себя дохленьким процентом обманчивой надежды, что он уйдёт из семьи, всё ещё ждала.

Рита стояла у окна, отодвинув рукой тканевые жалюзи, и увидев пустую Анькину скамейку, с облегчением отпустила жёсткие голубые полосы, и они закачались, как маятник, постепенно затихая.

Майорша подошла к стулу и села напротив Маринина, мирно разбирающего документы. Её большие кошачьи глаза, немного вытянутые к вискам, и широкая, даже слишком, улыбка, были поражены злой обидой.

– Поговори с ней. Тебя она послушает.

Маринин беспомощно развёл руками.

– Я должен ей что-то объяснять? Рит, как ты себе это представляешь?

Она помолчала, словно хотела признаться, но не решалась.

– Знаешь, как она меня называет?

Маринин молчал. Рита вопросительно кивнула.

Маринин поднял стопку бумаг вертикально, постучав по столу, и прикрывшись этим бумажным щитом, закусил улыбку.

– Не знаешь....

– Знаю, – с каким-то даже торжеством произнёс Маринин и, положив бумаги, всё таки не решился посмотреть на Риту.

Она резко встала, отошла, чтобы он смог видеть её во весь рост, и «сев» на правое бедро, упёрла руки в боки.

– Ты считаешь, у меня кривые ноги? Ну?

Маринин осмотрел Риту, как она того и хотела, с ног до головы, и всячески подавляя в себе желание рассмеяться, но не над ней и её недостатком, который его совершенно не смущал, а над смешным прозвищем, которым Анька наградила его тайную зазнобу.

– Нет. Они с изгибом.

Рита, прекрасно знающая всё о своих ногах, таким ответом осталась, почти, довольна.

– Ты сегодня придёшь? Ты обещал, – по-лисьи пролепетала она, поглаживая его спину, и перекинув руку, свесила её ниже плеча.

– Обещал, приду, – Маринин подёрнул плечом и глянул на входную дверь.

Медленно и нехотя Рита убрала руку, словно тянула за хвост змею, и, наклонившись к его уху, приоткрыла рот, как вдруг раздался стук в дверь, и тут же она открылась и в кабинет заглянула Надя.

– Матвей Александрович, можно?

– Да, Надя, заходи! – охотно пригласил Маринин.

Взяв папку, с которой, видимо, и пришла, Рита окинула взглядом Надю и, виляя бёдрами, плавно переходящими в изгиб, вышла.

Надя села на стул, на котором сидела Рита, положила пакет на ноги и осмотрела кабинет.

– Ремонт сделали. Классно!

– Мне тоже нравится.

– У нас много общего! – радостно заключила Надя, положив голову на локти, сложенные крест-накрест.

– Рассказывай, – чуть растянул губы Матвей Александрович и подпер голову рукой, по-прежнему изучая документы.

– М-м-м, ... да, так ...

– На-дя, – настойчиво и нараспев протянул Маринин.

Примерно пол минуты она как рыба, шевелила губами, и наконец, почти прошептала, не глядя на него.

– Мне жить негде.

– В смысле? – он поднял глаза.

– Да, там, понимаете ... Короче, нельзя мне домой.

– Почему? Что случилось?

– А чё там делать? Каждый месяц новый папа. Задолбали!

– Понятно, – Маринин откинулся в кресле. – Сейчас ты где живёшь?

– Я только утром приехала. Дома ещё не была, и вообще не пойду.

– Ты подробно рассказывай. Давай.

– Да, это не важно, Матвей Александрович. Просто ... Ну, не хочу.

– Так не бывает. На улице собираешься жить?

– Лучше на улице, чем дома.

– Давай, в центр?

Надя отрицательно помотала головой.

– Почему?

– Чё я там забыла?

– По крайней мере ...

– ... я буду одета, обута, накормлена и присмотрена, так?

Она с видом всезнайки покивала, и, помолчав немного, добавила, что-то рисуя пальцем на столе.

– Маму тогда прав лишат.

– Надь, но я-то чем могу тебе помочь?

Надя пожала плечами.

– Давай, так. Сегодня, прямо сейчас, оформляем тебя в центр, на ночь, а завтра решим, что делать. Потому как я сейчас не могу – у меня КДН.

Надя понимающе закивала, глядя на Матвея Александровича грустными и жалеющими его глазами. Маринин посмотрел на часы, висевшие над дверью, и, убедившись, что успеваает, стал звонить.

– Ирина Николаевна, утро доброе! Маринин. Хочу Вам работы подкинуть, а то скучно, наверное, – заметив, что Надя направилась к выходу, его тихий доброжелательный тон быстро сменился громким и вопросительным, – ты куда? Это я не Вам.

– В туалет.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Следующим утром Надя сидела на скамейке возле отдела, болтая ногами, так же, подложив руки под себя. Анька не пришла, и это красной строкой вписалось в Надино настроение. Конечно, она её не боялась, но видеться не хотелось.

Когда из-за угла показался Матвей Александрович, жадно докуривающий на ходу сигарету, Надя встала и вышла вперёд, так, чтобы он точно её заметил. Он заметил, удивлённо и недовольно посмотрел, и, не здороваясь, ускорил шаг.

– Матвей Александрович! – бросилась за ним Надя. – Матвей Александрович...!

– Что? – он остановился и впился в неё сердитым взглядом.

– Я согласна.

– Молодец, – и он двинулся вперёд, но Надя опередила его. Маринин устало вздохнул.

– Что ты хочешь?

– Ну, в центр.

– Значит, тебе не ко мне...

– А куда? – ненатурально изобразила Надя искреннее удивление.

– А ты не знаешь? – мягко усмехнулся Матвей Александрович.

Надя, сдавливая улыбку, помотала головой.

– Почему вчера сбежала?

Надя, винясь, так низко опустила голову, что Маринин увидел какой-то мелкий мусор в несвежем проборе волос, и подумал, хорошо, что хоть не бегают и не кусает.

– Пойдём, – и он, даже не взяв её за плечо, а как-то коснувшись почти кулаком, развернул вперед, и они вместе вошли в здание.

– Присаживайся – предложил он, открывая настежь кабинетное окно. – Так, что, Надя, мы имеем? Твои родители..., твоя мама, прав родительских не лишена, хотя на учёте, как неблагополучная семья, вы всё всё-таки состоите.

Надя, закусив нижнюю губу, усердно кивнула головой, от чего немного наклонилась вперёд.

– Школу не посещаешь...

– Посещаю! Сейчас каникулы, а так же я хожу!

– Догадываюсь, как ты ходишь, и как учишься.

– Как умею..., – шлёпнули надутые губы.

– Ладно, школу оставим до сентября, а пока, давай, думать, что с тобой делать. Домой ты не хочешь, в центр, подозреваю, тоже не хочешь, – и он игриво прищурил глаза.

Надя сдавила смешок.

– Хотя, есть люди, которые, никого не спрашивая, могут определить тебя в центр и забыть на долгие годы...

– Я всё равно сбегу!

Маринин усмехнулся и посмотрел на Надю, которая сделала вид, что у неё сильно чешется нога, и, вытянув шею вперёд и наклонив голову, коснулась стола подбородком.

– Так, что? В центр?

Надя распрямилась, положила руки на стол, и, обведя глазами стену с государственной символикой, максимально мило и почти смеясь, предложила, взять её к себе. Матвей Александрович не удивился, а лишь постучал шариковой ручкой по столу.

– Я хорошая. И могу жить на балконе.

– Тронут твоим доверием и с удовольствием бы взял, но балкона у меня нет – первый этаж.

– Тогда в подвале!

– На улице! Вот, где хочешь, хочешь в парке, хочешь под мостом, на авторазборке – выбирай, не хочу! – резко отрезал Маринин, прекрасно понимая, что она просто тянет время.

– Да, – он снял трубку телефона.

Надя не вслушивалась в разговор, она просто смотрела на Матвея Александровича – как он потёр правый глаз, качнулся в кресле и слушая невидимого собеседника, несколько раз подряд угукнул. Особенно ей нравилась его стрижка – простая, под машинку, чересчур коротко. Ему очень шло.

– Ну, так что? – Матвей Александрович положил трубку и снова устремил взгляд на Надю.

– А какие ещё есть варианты?

– Что-то Вас, гражданка Белоусова, понесло. Давай, так. Оформляем тебя в центр, и мы с тобой друзья.

– Нет.

– На-дя, – снова распел он и, вздохнув, посмотрел на потолок, снова на Надю, и, не зная, что сказать, замолчал.

– Ну, гараж-то у Вас есть?

– Надь, не рви мне мозг, – он устало надавил пальцами на закрытые глаза, и, не открывая их, спросил – паспорт с собой?

– Потеряла..., спёрли....

– Так, сейчас напишешь заявление, вот по образцу, – он перебрал несколько папок, и подал одну раскрытую, – бумага есть, ручка. Пиши, что потеряла. И без ошибок, а то заставлю переписывать.

Надя быстро написала заявление и протянула ему.

– Красивый почерк, и не скажешь, что ты двоечница, – удивлённо отметил Матвей Александрович.

– Я не двоечница.

– Так, значит, друзья? – положил заявление перед собой.

После некоторой паузы, Надя слабо кивнула и, подёрнув кругленьким носиком, который считала дурацким, отвернулась к двери.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В пятницу, чтобы отвезти на вокзал жену и дочь, Маринин ушёл с работы раньше.

– Ешьте, пейте, ни в чём себе не отказывайте, – шутил он.

– А Вы, Матвей Александрович, наоборот, полное воздержание, – вторила ему жена, сидевшая рядом на пассажирском сидении.

– Да, я всегда!

– Да-да, – недоверчиво сказала Катя. – Ты сразу домой или ещё на работу поедешь?

– Нет, я уже всё. В деревню смотаюсь.

Процентов восемьдесят своего трудового стажа Маринина Екатерина Дмитриевна заработала в администрации города, в отделе по управлению муниципальной собственностью. Естественно, чиновничья служба наложила отпечаток на манеру поведения, стиль одежды, причёску. Семь лет назад её повысили до заместителя начальника, и в этом, они были схожи с Ритой. Но в отличие от любовницы мужа, она была смуглой брюнеткой, и со стороны могло показаться, что они с Марининым брат и сестра.

Катя была старше Риты, как и Маринин, почти на десять лет, но очень недурно выглядела. Конечно, сеточка морщин под глазами и чуть опущенные губы намекали о возрасте, но общей картины не портили. У неё были карие глаза с прямыми, как лезвия ножниц, ресницами, ровный нос и средние, с чёткими очертаниями, губы, которые в моменты недовольства, она «сминала» в комок.

– Почему тогда не переоделся? Сейчас измажешься весь.

– С чего бы я измазался? Приеду и переоденусь.

– Надо было дома переодеться, – не унималась Катя.

– Если ты не в курсе, то я не успел! – Маринин начинал звереть.

– Мы бы подождали, ничего страшного, – она сказала это максимально мягко, но давая понять, что всё равно права, и помолчав с полминуты, продолжила приторным голосом. – Матвей, его надо продавать. Дом – это живой организм. Он просто развалится, потому что, в нём никто не живёт.

– Я в нём буду жить. Вот, выйду на пенсию, мне недолго осталось, и до отпуска, кстати, тоже, и больше вы меня здесь не увидите. Ещё ко мне попроситесь! – Маринин переглянулся с дочерью, в зеркало заднего вида.

– На меня не смотри. Я ещё пока в трезвом уме и светлой памяти, – отшутилась девушка, такая же кареглазая и смуглая, как мать, и уткнулась в планшет.

– Но картошку копать поедешь.

– А ты её полон? – поинтересовалась жена.

– Нет, ты полола!

– Я просто спрашиваю, что ты кричишь? – Катя достала из сумочки телефон, будто он ей срочно понадобился, и погрузилась в него.

– Ай! Всё времени у вас нет. У меня почему-то есть, а у вас не-е-т, – протянул последнее слово Маринин, подался вперёд, прижимаясь к рулю и по-гусиному вытягивая шею, тихо, сам себе, сообщил, – сбежала, всё-таки.

На обочине, чуть впереди, стояла девушка в футболке, шортах и бейсболке, рядом чадила дизелем, повывавшая и «убитая» иномарочка. Девушка разговаривала с кем-то из авто, деловито сложив руки на груди, при этом покачиваясь и пружиня на левой ноге, прогнутой в колене.

Маринин проехал вперед, затормозил и быстро вышел, громко хлопнув дверцей.

В дизельном чудовище было двое парней, которые увидев приближающегося мента, к тому же знакомого, вмиг свинтили, чуть не зацепив приятный во всех отношениях седан, припаркованный впереди.

Девушка, не сразу сообразившая, что происходит (она решила, что «этот» тоже хочет её подвезти), а увидев Матвея Александровича, еле слышно ахнула и попятилась, потом развернулась и побежала.

– Надя, стой! Стой, сказал! – требовательно прокричал он, и вроде бы хотел побежать, но не побежал, а недовольно сделал руки в боки, ещё раз крикнул, и, обернувшись на машину, снова посмотрел на удаляющуюся Надю.

– Ну, коза! – оглядываясь, пошёл обратно.

– Маринин! – подала голос Катя, ступив одной ногой на обочину. – У нас поезд, вообще-то! – и как туристический стульчик сложилась обратно в машину.

– На пенсию он собрался, не набегался ещё! – ворчала она, следя в боковое зеркало за идущим мужем.

Маринин ещё раз посмотрел на движущуюся точку, которой была Надя, и сел в машину. Он дышал через нос, громко и глубоко, зло, сжав губы, боясь, сказать ненужное, грубое и резкое (чего совсем не хотелось), пристегнулся, и машина рывком рванула с места.

Дождавшись, когда поезд стал ускоряться, Маринин сентиментально махнул «дымящейся» рукой, и окрылённый предстоящей двухдневной свободой, помчался в свою любимую деревню.

Он сильно удивился, снова увидев Надю. И удивился не только её глупой настойчивости, но и тому, как быстро про неё забыл.

Снова съехал на обочину и быстро перебежал дорогу. Надя снова его не заметила, потому что вела непринуждённую придорожную беседу с кем-то в притормозившей машине.

Маринин, почти ухмыльнувшись бритоголовому водителю, представился. Лысый мужик, ошибочно принявший его за гаишника, полез в нагрудный карман за документами, но когда Маринин представил Надю, с указанием возраста, и нарочно увеличив вероятный срок наказания за сексуальные действия в отношении лица, не достигшего совершеннолетнего возраста, зыркнул на неравномерно покрасневшее личико, и подняв стекло, уехал.

Взяв под руку, Матвей Александрович перевёл Надю через дорогу.

– Садись, – он открыл дверцу машины.

– Я не поеду.

– Садись.

– Я не поеду! – упорствовала Надя, думая, что Матвей Александрович отвезёт её в реабилитационный центр.

– Как хочешь, – и, хлопнув дверцей, он открыл свою.

– Ладно, – недовольно согласилась Надя и быстро села в машину.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ехали молча.

Матвей Александрович включил, по определению Нади, какую-то странную музыку, и смотрел только на дорогу, словно ехал один, а Наде было всё равно, куда и зачем они направляются, главное, вместе. Она крутила головой от одного окна к другому, и вскользь, как-то случайно, поглядывала на самого обожаемого из обожаемых. Она сняла бейсболку, и незаметно положив на колени его фуражку, совсем недавно брошенную Катей на заднее сидение, с любовью её рассматривала, крутила, поглаживала, и очень хотела примерить, но боялась, что Матвей Александрович будет ругаться.

На развилке машина не поехала прямо, в сторону краевой столицы и социально-реабилитационного центра, а свернула вправо. Надя непроизвольно обернулась и посмотрела на оставшийся позади заброшенный пункт ДПС, а через минуту промелькнул дорожный знак «Белое поречье».

– А куда мы едем?

Маринин молчал и не то что бы улыбался, но заметно радовался, слегка сощутив глаза.

– Очки что ли надеть? – подумал он.

– А почему белое?

– А ты как думаешь? – очнувшись, спросил Матвей Александрович, и опустил «козырёк».

– Может, снега много....

Матвей Александрович качнул головой и поиграл бровями.

– Подумай.

Надя просияла улыбкой, потому что Матвей Александрович её «простил». Задумалась, обводя глазами салон машины.

– Может, белых много...? – неуверенно предположила она и потёрла пальцы, сильно их сжимая.

– Это, каких же это белых? – заинтересовано, хотя не без иронии, поинтересовался Матвей Александрович.

– Которые с красными воевали.

В зеркале заднего вида отразились удивлённые карие глаза.

– Красивая версия! А «поречье» почему?

– Не знаю. Слово какое-то странное. Старое, наверно.

– Сдаёшься, команда знатоков?

Надя кивнула.

– Туман. Просто туман. Над рекой утром густой туман, почти всегда.

Надя внимательно слушала Матвея Александровича, такого умного, красивого и вообще самого лучшего, совершенно не испытывая стыда за свою нелепую догадку. Она упёрлась подбородком в боковину его сидения, и голова раскачивалась от быстрой езды и немного кружилась от совершенно необыкновенного одеколона.

– А зачем?

– Зачем, что? Туман?

– Едем зачем?

– За туманом, за туманом и за запахом тайги! – довольно пропел Матвей Александрович.

– А я знаю эту песню! Тыщу раз слышала. Нудная.

– Ты прямо-таки, как я погляжу, вообще, всё знаешь.

– А Вы думаете, что я дебилка?

– Да, нет, конечно, – неловко оправдывался Маринин. – Наоборот, я хотел тебя похвалить, что ты – молодец, много знаешь.

Надя понимающе и чуть обиженно шмыгнула носом и откинулась назад. С удовольствием пару раз выгнула спину, сводя лопатки вместе, и расслабив их, закрыла глаза. Через минуту она посмотрела в лобовое стекло, почувствовав, что машина почти ползёт, а не едет.

По дороге, с одного брошенного поля на другое, не спеша копытило небольшое стадо. Коровы на ходу вдумчиво пережёвывали траву, энергично двигая нижними челюстями, и обмахивали себя грязными хвостами, густо увешанными мелкими зелёными колючками, всем своим видом показывая, что спешить им некуда.

– Коровы, – заморожено проговорила Надя, словно увидела модный бойз-бэнд в полном составе.

– Коровы... Пригнись, на всякий пакостный.

Надя беспрекословно легла на сидение и затихла. Она слышала, как сработал ручник и щёлкнул ремень безопасности.

– Я сейчас.

Надя осторожно подняла голову и в промежутке между сидением и подголовником увидела Матвея Александровича и какого-то старика. Потом легла на живот и надела фуражку.

Старик, с которым разговаривал Матвей Александрович, был в кепке, тёмных затасканных штанах, расстёгнутой рубашке и растянутой полосатой футболке, на ногах болтались резиновые сапоги до колена. Выбрит. В левой, жилистой и шероховатой даже на вид, руке, была пластиковая бутылка с водой на доньшке, в другой – длинный прут.

Они пожали руки, и старик, зажав прут подмышкой, смеясь, на удивление крепко-зубой улыбкой, закурил.

– Я так-то ж присматриваю, вроде тихо. Сам знаешь, у нас, слава Богу, смраду нет.

– Спасибо. А это кто? – Маринин затянулся и кивнул в сторону высокого и толстоватого, коротко стриженного молодого человека, который странно и неприятно посмотрел на него, и пошёл за коровами.

– Племянник мой, внучатый. Артёмка. Он немного не того, ну, сам видишь. Вот, на лето его к нам сбагрили. Вроде, помощник мой.

– Я помню его. Дядь Андрей, пора уже Вам смену готовить, сколько можно самому-то?

– Приходится, ёлки зелёные, – старик пустил густой клуб дыма и закашлялся, чуть наклонившись. – Пастух паскуда! – он горько вздохнул и часто заморгал глазами, – корову мне загубил.

– Как?! – искренне ужаснулся Маринин.

– Да, хрен его знает! И ведь зарекался больше не брать этих охламонов! Ай! – дед махнул рукой. – Она стельная была, подумай... Запуталась в верёвке и удушилась.

– Кто такой?

– Не наш, пришлый, дел натворил и стриканул, сучонок. Неделю всего побыл, а столько наворотил! И кнут стащил, и куртку. Ай, ну, его! Корову жалко, такая красавица была!

Маринин сочувственно покачал головой, осмотрелся вокруг. Последняя корова была уже в метрах пятнадцати от дороги.

– А я жду, стада всё нет, ёлки зелёные, что такое? Пошёл, а его и нет, коровы – сами по себе, а Верба наша лежит... Шмальдец, твою меть...

– Да, жаль, конечно. Жаль. Может, попробовать поискать?

Дед махнул рукой.

– Вам видней. Ну, я поеду. Не болейте! – и, запулив окурков в траву, Маринин пошёл к машине.

– Давай! Ты почаще заезжай! – старик потряс кулаком и пошёл, как вдруг обернулся, – эй, Матвейка, а мясо-то тебе не надо?

Маринин замялся и медленно попятился.

– Да, можно, наверное. Я зайду!

– Добро!

Довольный старик не торопясь пошёл за своими бурёнками, ещё издали им что-то прокричав.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Узкая дорога, ответвляющаяся от основной, такой же сухой и пыльной, вывела седан, виртуозно, почти профессионально, преодолевающий неглубокие ямки, к высокому профнастильному забору, из-за которого виднелась «макушка» крыши. В центре образовавшейся дорожной развилки росли преимущественно берёзы, узким и длинным леском отделяющие этот участок от остальных, находящихся далековато и чуть скучено. Этот же дом стоял в начале деревни и, одновременно, особняком.

Открыв ключом калитку, Маринин вошёл во двор, распахнул ворота, загнал машину, и только закрыв ворота, понял, что сделал это автоматически, а не из мер предосторожности, которые, принимая во внимание Надю, были нелишними. И местные, и дачники, особенно, дачники, не обращая внимания на погоны, частенько принимали его за участкового, и спешили поделиться своими, на самом деле, только для них ценными, наблюдениями. И, как правило, такие неравнодушные и бдительные люди, могли набдеть что-нибудь лишнее.

Он постоял с минуту, недовольно уперев руки в боки, размышляя, правильно ли сделал, и, в конце концов, разрешил Наде выйти из машины.

– Вы здесь живёте? – поинтересовалась почти вращающаяся голова с летающей косой.

– Жил.

От ворот до дома вёл длинный помост, выложенный в два ряда полуметровыми потемневшими от времени досками. По обе стороны от него среди травы, недавно скошенной, и пустившейся догонять прежнюю высоту, кустилась смородина, усыпанная чернеющими ягодами, абрикос и молодая, но очень высокая, груша. Справа у забора перед гаражом остывала машина Маринина, слева – давно пустовавшая собачья будка.

Почти у крыльца в шахматном порядке росло пять берёз. Между двумя была сколочена голубая скамейка.

Со стороны могло показаться, что Надя попала в Дисней-ленд, а не деревенский двор, настолько увлечённо она всё рассматривала. Ноги шли вперёд, голова была повернута в одну сторону, глаза пытались глядеть в противоположную. И не заметив какую-то неровность, Надя подвернула ногу и уткнулась в спину Матвея Александровича.

– Осторожней, – обернувшись, заботливо сказал он.

– Ага....

Это был большой, почти квадратный, деревянный дом с большими окнами в белых рамах и с голубыми наличниками. В углу между верандой, плавно переходящей в большую пристройку, стояла бочка до середины наполненная мутной водой и детская эмалированная ванночка, тоже с водой, в которой плавали бабочки, жуки и берёзовые листья. В помосте «проросла» колонка с длинной ручкой. Рядом стоял закрытый алюминиевый, немного мятый, молочный бидон, вероятно, ровесник хозяина.

Откуда-то из-за пристройки вышел пятнистый серо-коричневый кот, неспешно потянулся и слабо мяукнул.

– Ой, котик! – Надя наклонилась и погладила его по голове. Кот благодарно теранулся о ноги.

– Иди, мышей лови, багодул! – нарочито сурово проговорил Матвей Александрович.

Кот устремил на него сонные оливковые глаза.

Маринин звякнул связкой ключей и открыл широкую зелёную дверь, слегка поддев ей снизу.

– А как его зовут?

– Совсем перекосилась, – словно извиняясь, одновременно и перед домом и Надей, за запущенность и хозяйский недосмотр, констатировал Матвей Александрович. – Ластик.

- Ластик?! Как резинку? – услышал он за спиной, когда уже был на веранде.
- Наверное. Дочь назвала. Сначала тоже, котик-котик, а потом бабушке сослала.
- Бабушке...? А где... она?
- Умерла. Здесь жила моя мама, ну, и я, когда-то, – тихо и спокойно ответил он.

Надя остановилась, едва переступив порог, словно качнулась назад. Ей стало, безумно жаль Матвея Александровича. Конечно, он взрослый человек, но ведь без мамы всегда тяжело. И она подумала о своей матери, о том, что и она умрёт, и как сама Надя иногда желала этого. Но если маму, пьяную и злую, извергающую жуткий грязный мат, начинал бить сожитель, она отчаянно бросалась на защиту. Больно получала, отлетала, ударялась, и снова бросалась, не боясь и не раздумывая.

– Только бы я раньше, чем Матвей Александрович! А лучше вместе. Сразу! – решила она, и воображение мгновенно нарисовало картину совместных похорон.

– Проходи, коли пришла!

Надя, взяв кота на руки, пошла на голос.

Просторная беленая комната с кухонным гарнитуром вдоль стены. У окна, в которое были видны берёзы и скамейка, стоял небольшой стол, два советских стула, а на печке в углу – цинковое ведро с водой. Матвей Александрович включил в розетку старенький магнитофон, стоящий на холодильнике, и через мгновение в доме «появилось» радио. Открыл холодильник, и, щёлкнув пальцами, закрыл.

– Я сейчас.

Надя отпустила кота, который густым тестом стёк на пол, и подбежала к окну. Матвей Александрович по деревянной дорожке шёл к машине. Через пару минут он возвратился с пузатым пакетом, на боку которого красовался сплюснутый логотип супермаркета.

Кофе, чай, сахар, какие-то конфеты, булка хлеба, две пачки кошачьего корма, две бутылки пива, колбаса, кусок сыра, селедка, сайра, тушёнка и две пачки пельменей – всё это оказалось на столе.

– Есть, хочешь?

– Хочу, – призналась Надя.

– Сейчас поедим.

Матвей Александрович бросил смятый пакет в коробку между окном и холодильником, в которой было десятка два таких же полиэтиленовых комков.

Надя испытывала удивительное чувство – чувство неожиданного и всепоглощающего счастья. Ещё час назад, она ловила машину на трассе, собираясь доехать до вокзала, а оттуда как-нибудь куда-нибудь, а теперь она сидела на кухне у Матвея Александровича, и он был близко, так близко, что она даже случайно коснулась его руки, когда потянулась за хлебом. Учитывая, что она «влетела» в него на улице, когда споткнулась, это было просто супер!

– Батарей?! У Вас батарей? – Надя удивлённо коснулась одной из двух белых труб, идущих вдоль стены ниже подоконника.

– Батарей.

– А почему? У Вас же печка?

– Почему... Почему же, почему... Белых много, – не удержался Маринин.

– Зелёных! – не зло огрызнулась Надя, и ещё раз осмотрела кухню.

Матвей Александрович задумчиво крутил пальцами зубочистку зажав её зубами. Надя несколько раз посмотрела на него и нерешительно промурлыкала.

– А можно я похожу...? Дом посмотреть....

– Да, конечно, – очнувшийся хозяин с радушной готовностью встал.

Из длинного беленого, чересчур засиженной известкой, коридора с примыкающей верандой, можно было попасть в четыре комнаты и кухню.

Они заглянули в первую, такую же по размерам как кухня, комнату, с двухспальной кроватью, заправленной одеялом с большим красным цветком и бежевым тюлем на окне. У двери стояло кресло, над которым висел, уже как три года не актуальный православный календарь. В углу у окна крепко укоренился громоздкий телевизор.

В зал они не входили – всё было хорошо видно через стеклянные вставки на дверях. Вдоль стены стоял старый сервант набитый сервизами и наборами рюмок и фужеров. На полочке пылились какие-то фигурки, чёрно-белые и цветные фотографии в дешёвых рамках. Всё обычно: палас, шторы, телевизор, диван и два кресла.

– Ещё одна комната, проходная, там ещё одна, ничего интересного, и эта, – Матвей Александрович «подозрительно» улыбнулся уголками губ, и остановился, словно зацепившись плечом за дверной косяк.

Глобальная радость просияла на Надином лице, и она, догадавшаяся, что это комната некогда принадлежала ему, не спрашивая разрешения, проскользнула внутрь, нарочно, его коснувшись.

– Крутяк!

Надя с интересом и восхищением осмотрела почти такую же комнату, как и предыдущие, и завалилась спиной на кровать с панцирной сеткой и легко отпружинив, засмеялась.

– На такой кровати прыгать классно, а спать плохо, она проваливается, – Надя провела рукой против синтетического ворса сине-бирюзового одеяла с парой резвящихся дельфинов.

Бывший владелец комнаты пожал плечами.

– Пойдём, ещё что-то покажу, – Матвей Александрович кивнул в сторону выхода. Надя резво подпрыгнула и побежала следом.

Они вышли во двор, завернули за угол дома и оказались напротив окон общей комнаты.

– Ого! – непроизвольно выпалила Надя, увидев огромный сад с десятками кустов и деревьев.

– Пятнадцать соток, – безрадостно, и даже как-то замучено, сказал Матвей Александрович. – Плантация. Набатрачились мы тут, дай Боже.

Он сорвал несколько крупных вишен, и быстро объев с них мякоть, отвернувшись, выплюнул косточки. Надя жадно рвала и уплетала ягоды с поражающей скоростью, возможно, даже, с косточками.

– Хочешь, пособирай. Возьми в доме что-нибудь, там всего полно. Я сейчас отойду, минут на двадцать, а потом поедем.

То, что почувствовала в тот момент Надя, было сродни предательству, как всегда подлому и архи неожиданному. Она так и застыла с горстью вишни у полуоткрытого рта.

– Обратн...? – провалившимся голосом выдавила она.

– Конечно. Домой или в центр?

Надя молчала, словно без её решающего слова, они бы никуда не поехали.

– Думай, пока. И не вздумай удрать, – сказал Матвей Александрович и пошёл к калитке.

Надя обернулась. Из-за деревьев его не было видно, но она слышала, как зазвонил телефон, и немного погодя звякнула калитка. Шмыгнув носом, она слегка отвернулась от дерева, снова шмыгнула, и, почувствовав колющее щекотание в носу, чуть сморщила лицо и потёрла глаза, опережая только подступающие и отчаянно сдерживаемые слёзы. Надя рвала вишню и пыталась есть, но она уже была безвкусной, даже противной, и, бросив ягоды на землю, закрыла чуть липкими ладонями лицо, и громко зарыдала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дом дядь Андрея мало ассоциировался с человеком, всю жизнь разводившим коров и свиней. Маринин помнил, как в детстве родители говорили, что если Андрюха Маслов, опять дом красит, значит, Пана его «опять из дому гонит». Страдал он не за так, а за чрезмерную тягу к противоположному полу. И после очередного акта супружеской неверности, о котором тут же становилось известно жене, провинившийся и бесом попутанный благоверный, принимался ремонтировать и красить дом, уверяя супругу, что это уж точно в последний раз. В итоге, понагородил полный двор нелепых пристроек и даже переделал чердак в мансарду, но вход, чтобы не «дырявить» потолок, сделал с улицы, которым пользовались только летом – с теплом на мансарде было туго.

Последние лет десять Маринин частенько подкалывал дядь Андрея вопросом, почему тот дом давно не красил? Старик честно признавался, что уже не тот.

Масловский дом был покрашен весьма оригинально. Сине-белый фасад соседствовал с некогда ярко-жёлтым, цыплячьим, крыльцом и лестницей на эту чёртову и сотни раз проклятую (тётъ Паной) мансарду.

Маринин и дядь Андрей стояли, что называется, под калиткой, которая как и тяжёлые деревянные ворота, немного просевшие в середине, со временем стала «старого» жёлтого цвета.

– Смотрю, дорогу прогрейдеровали. Приятно пройтись! – довольно огляделся Маринин и притопнул туфлём по относительно ровной глинистой дороге.

– Это вон тот кулик, – дядь Андрей указал рукой на высокий, как башня, новый дом на небольшом бугорке в метрах ста от них. – Им свои машины бить жалко, вот и стараются.

– Это ж хорошо!

– Хорошо, но вот коровы, говорит, мои, всё портят. Задолбался, говорит, дерьмо их с колёс отмывать. Пусть тут, значит, не ходят. А я ему говорю, так если ж они летать будут, хуже будет! – и взяв за руку, смеющегося и уже понявшего финал шутки Маринина, словно хотел притормозить его смех, – придётся, ведь и с крыши отмывать, понимаешь?

И они вместе рассмеялись.

– Ну, проходи, мы как раз только сели, – дядь Андрей закрыл высокую калитку и Маринин оказался во дворе.

Две мордатые собаки приветливо мели хвостами по земле.

– Здорово, дружище! – Маринин потребушил за уши и прижал рукой к ноге взрослого пыльно-белого кобеля, который радостно взвизгивал, узнав бывшего хозяина. – Сторожи хорошо, меня не позорь.

– Сторожит. На днях опять полоза задавил. И такой, ты знаешь, взрослый, – дядь Андрей сложил пальцы и показал примерный диаметр змеи.

– Ну, ты змеелов! – Маринин гордо похлопал собаку по спине и бокам. – К нам они почему-то так и не наведываются. Удивительно, но... – и он усмехнулся, вспомнив, как пацаном рыскал по огороду, в поисках змеи, потому что кто-то из друзей снова «щеголял» гадким трофеем, пойманным во дворе.

– Мы его не обижаем. Да, Граф? – старик подмигнул собаке, и снова пригласил гостя, – ну, давай, к столу.

– Спасибо, я... – Маринин попытался сделать шаг, но Граф обхватил его ногу лапами, и он, рассмеявшись, снова погладил по голове.

– Помнит, шельмец! – добродушно заметил дядь Андрей, и вздёрнул подбородком. – Давай, в хату.

– Нет, спасибо, я только за мясом. Мне ещё обратно ехать.

– Ну, ты, брат, даёшь! А как же рыбалка, ёлки зелёные?

– Не травите мне душу! – смеясь, взмолился Маринин, отряхивая брюки после собачьих объятий. – Сам хотел, но... работа.

– Бросай ты свою богадельню! Глянь, седой уже!

Маринин повинно потёр лоб и пригладил волосы.

– Я, вот, в твои годы..., тебе сколько?

– Мало ещё.

– А седины много! Вот, помяни моё слово, мотор, – он постучал указательным пальцем Маринину в область сердца, – не выдержит, так и свалишься со своим хулиганьём!

Маринин не стал спорить и смиренно развёл руками.

– Ладно, шут с тобой. Все там будем... Пойдём.

И они зашли в небольшой тёмно-жёлтый домик, который, как помнил Маринин, являлся летней кухней.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Обратная дорога была для Нади быстрой и тяжёлой. Она также сидела позади Матвея Александровича, но сложив руки на груди, и «сдерживая» их пальцами за локти, как будто они могли внезапно развязаться и пойти в разнос. Из-под козырька бейсболки она сосредоточенно смотрела на стремительно сменяющие друг друга деревья, повороты, автобусные остановки, которые ещё несколько часов назад, казались ей весьма симпатичными, и, как будто решалась.

Маринин понимал, что девочка что-то себе придумала, потом расстроилась, и что это проходит.

Снова просигналил телефон. Маринин посмотрел на часы, и когда несчастный мобильный уже почти отчаялся дозвониться, всё-таки принял вызов.

– Я ведь говорил, что поеду в деревню. В воскресенье заеду. Пока.

Он недовольно бросил телефон на пассажирское сидение и резко дал газу.

– А Вы..., – голос «запнулся» от долгого молчания, – ...Вы кого любите – жену или любовницу?

– Что? – после некоторой паузы, спросил Маринин, сердито сморщив лоб.

– Вы никого не любите, – заключила Надя, по-прежнему глядя в окно.

– Тебе видней, – усмехнулся Маринин и для усиления эффекта безразличности прибавил громкость.

– Остановите, я в туалет хочу! – почти закричала Надя.

– Потерпи.

Он ответил спокойно, не озадачиваясь, услышала она или нет. Надя же смотрела и дышала, как молодой свирепый бычок, решивший доказать свою крутость.

Внезапно Маринин почувствовал холодок, повеявший откуда-то со спины. Он решил, что Надя опустила стекло, и, повернув голову, увидел открытую дверцу.

Дал по тормозам. Машину и его по инерции качнуло вперёд. Отстегнув ремень, он буквально вырвался на обочину.

Надя, быстро встав на карачки, выпрямилась, насколько смогла, и ломанулась вниз с бугорка. Подвижный грунт зашумел камешками и посыпался следом.

Маринин тоже «поехал» и чуть было не упал.

– Надя! Надя! Стой!

Погоня была недолгой – он схватил беглянку за руку, когда та только вбежала в лес, отделенный от дороги небольшой поляной, и с силой дёрнул на себя. Надя вскрикнула (при падении она приземлилась как раз на правую руку), но Маринин, думая, что переусердствовал, сразу отпустил, и тут же была предпринята попытка к бегству. Маринин обхватил её обеими руками, как ребёнок, охваченный приливом нежности и умиления, обнимает трёхмесячного щенка, а он всё выскальзывает и кряхтит.

– Я не хочу! Не хочу! Пустите! Не имеете права! Я не хочу! – билась и вырывалась Надя.

– Надя, успокойся! Да... Надя!

Оказалось, что девочка очень сильная, и Маринин даже подустал, пока подавлял это «восстание». Через минуту-полторы Надя выдохлась, моментально обмякла и повисла на его руках.

– Не хочу, не хочу, – полуживым голосом бормотала она, и руки дёргались сами, от перенапряжения, а не от желания сопротивляться.

– Я к Вам хочу....

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Маринин медленно ходит вокруг машины и курит. Пнул ногой колесо, убедился, что всё в порядке, проверил остальные. Прислонился спиной к дверце, посмотрел направо, налево, вверх. Показалось, что быстро стемнело.

Снова обошёл машину, въедливо копаясь в мыслях. Посмотрел на заднее стекло – ничего не видно. И словно проснувшись, сделал две быстрые короткие затяжки, и, бросив окурки в траву, решил ехать.

Щёлкнув выключателем в некогда своей комнате, он зашёл в спальню напротив, закрыв дверь.

По часто сменяющим друг друга обрывкам фраз, Надя поняла, что Матвей Александрович включил телевизор. Она вошла в «свою» комнату, и, не раздеваясь, провалилась и в кровать, и в сон.

С удовольствием переодевшись в джинсы и футболку, Маринин принялся отчаянно курить. Не спалось. К утру, он прикончил вторую половину пачки, и, наконец, задремал, но переворачиваясь на бок, опрокинул пепельницу, стоявшую на груди. Ударившись о пол, хрустальная ракушка брезгливо выплюнула на палас пепел и огрызки сигарет. Решив, что соберёт всё завтра, снова попробовал заснуть, но закашлялся, как это часто бывало, и по привычке, заглушая кашель, чтобы не разбудить жену, уткнулся лицом в подушку. Боль в горле и груди быстро прошла, но вдруг «голос подал» толком не ужинавший желудок.

Вышел в коридор, заглянул к Наде. Она спала, укрывшись и свернувшись так, что казалось, будто это карлик.

– Руку сильно дёрнул! – мысленно упрекнул себя Маринин, услышав тихие постанывания.

Убедившись, что Надя жива, хоть, и не совсем здорова, особенно на голову, накинув ветровку, вышел на улицу, потянулся, посмотрел на светлеющее небо, и висящий на углу дома большой, но не яркий прожектор, возле которого суежилась мошкара. Зевнул и сел на скамейку, съездившись от утренней прохлады. Снова перебрал события вечера, которые капустными листьями наслаивались друг на друга, образуя трухлявый кочан, на который, по ощущениям, была похожа его голова.

– Чёрт дёрнул меня с тобой связаться! Могла убиться, на хрен!

Он посмотрел на еле видимый силуэт машины, мирно спящей перед гаражом, которая как будто тоже была виновата в случившемся. Резко встал и направился к четырёхколёсной лихачке, открыл багажник и достал пакет, развернул, понюхал содержимое.

– Пойдёт.

Поставил трёхлитровую банку молока на стол, тазик с мясом – в холодильник, пакет бросил в мусорное ведро. Включил чайник, и, дождавшись кипятка, сделал кофе и что-то пожевать. Хлопнув по карманам, вспомнил, что сигарет нет. Усердно пошарив по шкафам со скрипучими и не плотно закрывающимися дверцами, нашёл-таки на окне пачку с двумя сигаретами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Проснувшись, только приоткрыв глаза, Надя поняла, где находится. Слишком ценно и волнительно было произошедшее вчера, чтобы забыть. И она первым делом направилась к Матвею Александровичу. Его не было.

Во дворе стоял туман. Пришлось, иди к гаражу, чтобы убедиться на месте ли машина. Убедившись, облегчённо вздохнула, и отправилась на поиски любимого.

Обошла сад, дважды вляпалась в паутину, обсмотрела, как смогла, заросший огород, заглянула во все хозпостройки, несколько раз, тихо и робко, позвала Матвея Александровича. . . . Села на крыльцо, положила руки на колени, на них голову, и стала ждать.

Он появился минут через двадцать. Надя вздрогнула. Во-первых, Матвей Александрович вышел из-за дома, а, во-вторых, был одет не по форме – Надя никогда не видела его в джинсах, футболке и шлёпанцах, да ещё с мокрой головой.

Она улыбнулась, но встретив суровый взгляд, мгновенно сникла.

Ластик, видимо, почуявший приход хозяина, вышел из тумана и потёрся о его ноги, довольный, что не гонят, мяукнул.

– Вы купались? – с грустной завистью спросила Надя.

Маринин перевёл взгляд с кота на неё и парировал неммым упрёком.

– Девочка моя, радуйся, что ты вообще жива!

– Окунулся пару раз, – скупно ответив, вошёл в дом. Опять включил чайник, сделал кофе и бутербродов. Выглянул в окно – Надя сидела на скамейке в той же позе, что и у отдела, разве что, выглядела ещё несчастнее.

– Видимо, рука уже не болит, – решил он, и постучал по стеклу, и когда Надя обернулась на звук, махнул.

Надя побежала в дом.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

После завтрака Матвей Александрович ушёл в магазин. Надя хотела пойти с ним, но знала, что он её не возьмёт, и спросила, как пройти к реке.

– Приду, ходим.

Они прошли через огромный заросший огород, поглощаемый белым полотном тумана.

– Здесь кто-то недавно ходил, – обеспокоено заметила Надя, указывая на недавно примятую траву, и ловя подтаявшее мороженое через дырявое доньшко вафельного стаканчика.

Матвей Александрович, слегка обернувшись, мягко улыбнулся.

– Я.

Надя вытаращила на него глаза, и, сообразив, слегка покраснела.

– Так, мы идём на речку?

– Ну, а куда ещё?

– Через огород?

Маринин вздохнул и не ответил.

– Надо сегодня скосить эти джунгли, – решительно заявил он, и, пробравшись почти к углу забора, после короткого металлического скрежета, исчез в тумане.

– Матвей Александрович, – опять тихо позвала Надя, всматриваясь в белую непроглядную пелену, как вдруг её схватила рука, высунувшаяся из тумана.

Надя вскрикнула.

– Страшно?

– Конечно! Матвей Александрович, ну, Вы, даёте, вообще....

– А из машины выпрыгивать, как десантник, не страшно?

В ответ виноватое молчание.

– Больше никогда так не делай. Никогда. Один раз пронесло, во второй может не повезти, – и он «вошёл» в туман, Надя – следом.

– Я так сто раз делала, и ничего пока..., – она не договорила, внезапно врезавшись в Матвея Александровича.

– Надя, ты меня пугаешь.

– Просто, понимаете, поймаешь тачку, попросишь подвезти. Едем, всё нормально, разговариваем, а потом он сворачивает куда-нибудь, и всё – надо валить! Ну, вот..., – спешила оправдаться Надя.

– А ты не думаешь, что можешь себе шею свернуть, или руку сломать, ногу, да хоть что?!

– Я всё равно долго не проживу.

– Если не завяжешь с экстримом.

– Да, нет, смотрите, а..., потом покажу! У меня в волосах прядь тёмная, тут, на макушке. Это примета такая. У кого такая прядь, тот умирает молодым.

– У кого мозгов под прядью нет, тот умирает молодым! – отрезал Маринин. Надя семенила следом, боясь его потерять. Через минут пять-семь, она почувствовала сырой и пресный запах воды.

– Пришли.

– А вы будете?

– Нет, мне хватит.

– Одной скучно....

– Я тебе песенку спою.

Надя постояла, подождала, вдруг передумает, но почуяв табачный дым, поняла, что нет, отошла, растворившись в тумане.

– Поверила какому-то умнику, который эту муру про прядь ляпнул, поверила, и живёт, как последний день! Ну, Надя! Меня не слушает, ни на грамм, будто я ей зла желаю, хотя прекрасно знает, что это не так. Ведь, предлагаю ей жить в нормальных, не лучших, но нормальных условиях, выучиться, попробовать устроить свою жизнь. Но нет! – размышлял Маринин.

– Матвей Александрович, Вы меня видите?

Маринин скосил глаза.

– Нет.

– А я голая!

Маринин резко посмотрел в её сторону, не понимая зачем, что бы убедиться или, чтобы увидеть. Из-за тумана не получилось ни того, ни другого. Хотел спросить, почему без купальника, и тут же сообразил, что его просто нет.

– Надо было сказать, Варькины где-то валяются....

– Я чужую одежду не ношу! – раздался ревниво обиженный голос Нади, и через мгновение лёгкий всплеск воды, и её радостный, ещё детский, визг. – Холодная! Матвей Александрович! Она холодная!

Маринин слегка улыбнулся.

– Матвей Александрович!

– Вылезай, если холодная!

– О-го-го! Ой, я щас умру! – видимо Надя потихоньку входила в воду.

– Ещё бы, – тихо сыренизировал Маринин, и, затушив окурок, накрыл его сверху камушком.

На самом деле, он бы с удовольствием окунулся, но вероятная близость Нади, и если она, действительно, была, в чём мать родила, хоть и щекотала воображение, но больше всё-таки сдерживала.

– Ты там живая?

– Что?

– Живая.... Ничего! Ты плавать-то умеешь?

– Я всё умею!

– Кто бы сомневался..., – и, зевнув, лёг, как любил, на бок, и задремал.

– Глаза слиплись, что ли? – подумал он, и, присмотревшись, увидел чью-то коленку, в сантиметрах двадцати от своего лица.

– Я всё, Матвей Александрович, – словно боясь разбудить, прошептала Надя, сидя на корточках и глядя сверху вниз.

Маринин сел, быстро осмотрел её. Обрадовался, что одетая, и пошёл к воде умываться.

Туман рассеивался, и лес был уже не таким таинственным, но зато Надя хорошо видела Матвея Александровича.

– Матвей Александрович,... – сказала она и сделала паузу, чтобы он спросил: «Что?»

– Что?

– А можно я останусь здесь, у Вас..., – и опять врезалась в него.

– В каком смысле?

– Ну, здесь, у Вас дома. Всё равно тут никто не живёт, а я могу....

– Нет! – Маринин прибавил шаг, наконец-то осознав, что попался.

– Матвей Александрович, – почти бежала за ним Надя, – Матвей Александрович, никто не узнает, я никому не скажу, честно!

Маринин остановился и строго посмотрел Наде в глаза.

– Ты ещё ребёнок, а ребёнок должен жить со взрослыми, под присмотром взрослых. Понимаешь? И то, что ты оказалась здесь, это чистая случайность, и совсем не означает, что ты можешь здесь жить.

– Опять обиделся, – решила Надя, когда Матвей Александрович взял бензиновую косу и, не сказав ни слова, пошёл на огород. Монотонный жужжащий звук, работающей косы, порядком поднадоел, пока она собирала вишню – ей тоже хотелось сделать что-то полезное, и чтобы Матвей Александрович её простил.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Маринин лёг спать, но по факту, покурить. Он решил, что с утра отвезёт Надю в центр, потом поедет к Рите, а оттуда к шести на вокзал за женой и дочкой.

Проснулся от резкого шума. Поднял голову, прислушался. Дверь в комнату была открыта, видимо, сквозняк.

– Надя, ты?

– Я... – донеслось из коридора.

– Почему не спишь?

– Я в туалет хочу.

– Понятно, – промычал сам себе и уткнулся в подушку.

– Можно?

– Что? – снова поднял голову.

– В туалет, можно?

– Ну, конечно....

Утром Маринин обнаружил, что Надя ушла.

Он не стал ждать её возвращения, прекрасно понимая, что эта хитрая лиса затаилась и ждёт его отъезда. Собственно, он уже ничего не мог изменить в данной ситуации. Надя знала, что хозяин этого пустующего дома, если и поймает её здесь, максимум, что сделает – отправит в центр реабилитации, из которого она прямым ходом направится сюда.

Насыпал коту корма с запасом и налил молока, оставшиеся полбанки поставил на стол в летней кухне, которая не запиралась, и в которой, видимо, намеревалась жить-нетужить Надя.

– Есть захочет, прибежит, – решил Маринин, и, убедив самого себя, что всё происходящее в доме в его отсутствие, его не касается, дальше действовал согласно плану: Рита – вокзал – сон.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

По случаю дня рождения старшего (во всех смыслах) инспектора в одном из кабинетов собралось всё немногочисленное Отделение по работе с несовершеннолетними и сотрудники бухгалтерии. Опаздывал только Маринин.

Полные ноги, выпирающие из туфель, короткая стрижка из редящих волос, массивные янтарные бусы, помада цвета гербицидной моркови, стойкий запах пудры и лучший в мире «тормозок» – малая часть того, чем могла похвастаться виновница торжества. Она была в том возрасте, когда, железно, есть внук или внучка, гормональный сдвиг и шуточки на тему основного инстинкта доставляют невообразимое удовольствие, даже если шутят над тобой, главное, чтобы шутником был мужчина, желательно, молодой. В данном случае, это Вадим Высочин, «первая фуражка», не работавший под руководством Маринина, но с удовольствием живший с его женской частью (все, кроме опаздывающего начальника), что называется, одной жизнью.

Высочин мастерски откупорил бутылку и разлил полусухую пену в гуттаперчевые пластиковые стаканчики.

– Поздравляю Вас, любимая моя, Настасья Семённа!

Что пожелать Вам в этом году?

Счастье, удачи, и всю лабуду?

Нет, я Вам желаю, милая, впредь,

Больше «хочу!» и не терпеть!

Не терпеть произвол от начальника-гада,

Не терпеть, если хочется шоколада.

Не терпеть! Вот девиз: «Не терпеть!»

А больше хотеть и больше иметь!

Смех взорвал кабинет и расплылся по коридору здания, затихшего на время обеденного перерыва. Маринин улыбнулся, зная источник позитива, и открыл дверь в кабинет, откуда «пахнуло» хмельной женской разноголосицей, перекрикиваемой уверенным мужским баритоном.

– О, высокое начальство! – сдал Высочин. Все обернулись.

Пока Маринин протискивался к имениннице, ему в руки сунули стаканчик с шампанским. Он пожелал ту самую стандартную лабуду, от которой открестился Высочин, компенсировав это искренней и немного смущённой улыбкой.

– Итак, тост! – не унимался Высочин, дожидаясь тишины. – Однажды, после сильнейшего стихийного бедствия, осталась на Земле одна единственная женщина. Совсем как Вы в моём сердце, – обнял рано «поплывшую» именинницу, – и она брела по свету, брела, и вдруг, увидела человека.

– Только бы мужик! Господи, чтоб мужик! – взмолилась женщина. И она подошла к нему, и о чудо! На ковре сидел, и устало созерцал мир мудрец.

– О, великий мудрец, – взмолилась женщина, – я так долго шла, я так сильно устала, может ты... – не будем при детях, и рассказчик покосился на именинницу, – если что, я всё сама. Ладно, – говорит мудрец, я согласен, если только отгадаешь загадку, – Высочин сделал глоточек. – Итак, внимание!

Наступила весёлая «тишина», прерываемая перешёптыванием и смехом.

Рита стояла почти у окна, за спинами, и, почувствовав, что Маринин смотрит, ответила грустно-обвиняющим взглядом, и, не дождавшись финальных пожеланий, допила шампанское и поставила стаканчик на подоконник.

Раньше у неё случались депрессии два раза в год – в канун Нового года и Дня рождения. В эти дни она подводила личные итоги, с каждым годом убеждаясь, что главного в жизни жен-

щины ещё не достигла. Но за последние полгода ощущение собственной несостоятельности разрослось, и все праздники Рита невольно приравнивала к тем двум, и впадала в микродепрессии.

Всеобщий гогот оглушил Маринина, ранее слышавшего эту историю, переродившуюся в тост.

– Так пусть же тебе, – перекивая всех, продолжил Высочин, – свет очей наших и огонь сердец наших, тебе никогда не встречаются мудрецы и скучные импотенты, а только глупые, активные и весёлые! – и поклонился кивком головы.

Именинница обняла тост-мэна за плечи и прижала к себе боком, поцеловала в щеку, во вторую и в губы.

Под всеобщее о-о-окание чокнулись и выпили.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В то время, когда Маринин желал счастья, здоровья и успехов, на городском рынке Катя с коллегой торговались с несговорчивыми продавцами.

Стояла самая жара. Торговцы прятались под навесами и в тени деревьев, бережливо накрывая вёдра и стеклянные банки газетами и зонтиками, а покупательницы не снимая солнцезащитных очков, привередливо рассматривали предлагаемые им ягоды. Их устраивал и вкус, и объём, не устраивала только цена.

– Ты будешь покупать?

Катя устала от высоких каблуков, от солнца, пекущего голову, от тяжёлых пакетов, режущих руки, и неопределённости коллеги.

– Буду, конечно. Что зря пришли? – и женщина повертела головой. – Давай, ещё раз, и всё!

– Ну, давай....

– А ты не будешь?

– Чтобы Маринин меня придушил?

– А, у вас же дача! Так и не продали?

– С ним продашь! Почти три года прошло, как свекровь умерла, и мы всё туда ездим, проверяем, заборы новые ставим. И ведь не успевают, а я, честно сказать, и не хочу с этим связываться.

– А у вас там всего полно, да?

– О! Это видеть надо! У них семья была большая....

– Да-да, ты говорила, – перебила коллега.

– Сказал, что после пенсии там жить будет, представляешь? – и Катя слегка рассмеялась.

– А когда у него пенсия? Я ему компанию составлю, – игриво прощбетала коллега.

– Да, ради Бога!

Коллега тоже рассмеялась и погладила Катю по спине.

– Я пошутила.

– А там такой участок, – вздохнула Катя, – его на четыре, даже на шесть, можно поделить.

Коллега сделала некрасиво удивлённое лицо, подняв брови и оттянув подбородок вниз.

Вдруг Катя остановилась.

– Ведро..., – пробормотала она, и направилась к прилавку.

– А говорила, не буду, а сама – ведро! – сыронизировала коллега, и поинтересовалась у девушки, стоявшей за прилавком, – малина свежая?

– Утрешняя! – радостно ответила Надя, позеленив глазами из-под козырька бейсболки.

– Сколько? – не унималась коллега и взяла пару ягод.

Катя, изучив двадцатилитровое светло-голубое ведро с неаккуратной белой полосой посередине, на которой красовалась голубая надпись: «для ягодков», и пристально посмотрев на Надю, перебила её, уже готовую назвать цену.

– Это Ваше ведро?

Надя мгновенно сникла.

– Моё, чьё...?

– И малина Ваша?

Надя растерянно водила глазами.

– Кать...? – удивлённо протянула коллега.

– Понимаешь, Ира, – медленно чеканила правду Катя, – это моё ведро, и малина, я уверена, тоже моя.

Потенциальный покупатель и незадачливый продавец одинаково удивлённо смотрели на Катю, но если Ира искренне недоумевала, то Надя, хоть и была в полной растерянности, отчего её нижняя губка подёргивалась, всё поняла.

– Ведь так, девушка? – добила Катя.

Обездвиженная, словно заколдованная и замороженная, Надя смотрела на свою торжествующую обличительницу, будто они играли в переглядки, и вдруг выбежав из-за прилавка, толкаясь о встречных покупателей, скрылась в толпе.

Катя выиграла.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Пока тамада в мундире травил очередной анекдот, Маринин незаметно ускользнул. Возле своего кабинета он увидел Риту, сидевшую на одном из посетительских стульев, как раз под плакатом, призывающем не замыкаться, а позвонить по телефону доверия.

Нельзя сказать, что об их отношениях не догадывались. Догадывались, подозревали, сплетничали и осуждали, но давно, когда Рита только устроилась в отдел и они начали встречаться. С тех пор, коллектив на половину обновился, и все стали считать, что так и было всегда. Старожилы были уверены, что они давно расстались, а вновь прибывшие не знали с чем сравнить их сегодняшнее поведение, взгляды, разговоры. Поэтому никто доподлинно не знал «есть у них что-то», но, так или иначе, тема для разговоров себя не изжила.

– Вы ко мне? – поинтересовался начальник, улыбнувшийся улыбкой, имевшей приятное праздничное послевкусие, и, повернувшись к посетительнице боком, дважды крутанул ключом в замочной скважине.

– К Вам, Матвей Александрович, – смиренно ответила Рита, ещё пребывающая в состоянии самоедства, отчего решила, что он усмехается.

– У меня вообще-то обеденный перерыв, но если отгадаешь загадку..., – и не закончив шутку, которой он рассчитывал если не развеселить, то хотя бы выщипать усталую и подыгрывающую улыбку, что называется, за старание, достал из кармана звонящий телефон. Рита, не раз видевшая такое выражение его лица, поняла, что звонит супруга.

– Да, привет.

– Ты на работе? – слышался запыхавшийся голос Кати.

Рита встала, всем своим видом показывая, что, мол, оставайтесь со своей Катей, раз уж так хотите, и, пройдя несколько закрытых кабинетов, распахнула дверь в тот, где по-прежнему господствовали смех и громкие разговоры.

– Ну, да, а что? – проследив за Ритой глазами, и, испытывая чувство виноватой досады, и некоего отворачивания к самому себе, Маринин вошёл в кабинет.

Через минут десять он сидел за столом, перед ним стояла Катя, между ними возвышалось то самое ведро. Правда, малины в нём заметно поубавилось.

Катя была возбуждена, говорила громко, активно жестикулировала и выкатывала глаза.

– И вот эта девка смотрит на меня и говорит: «Это наша домашняя. Утром насобирала». Представляешь?!

– Ну, и что, насобирала...?

– Матвей, ты ведро не узнаёшь?

Маринин пригнулся, пристально всматриваясь в ведро.

Конечно, он узнал, словно это его закадычный товарищ, но поняв, как оно оказалось на рынке, решил врать.

– Нет.

– Я не удивлена, – хмыкнула глазами жена. – Это ведро Галина Фёдоровна принесла домой, когда школу закрыли, и столовую, стало быть, тоже. На нём ещё надпись была, то ли «для отходов», то ли «для столов», не помню. Она закрасила эту надпись, и написала голубой краской, которой вы всегда рамы красите, «для ягодков», потому, что Варя так говорила.

Маринин понимающе закивал.

– Теперь, ты понимаешь?

– Понимаю. Мама кому-то отдала ведро...

– Нет, оно было в доме! Его украли и малину тоже!

Маринин равнодушно хмыкнул.

– Надо искать эту девицу!

– Мне?!

– Зачем, тебе? Вадим пусть ищет.

Маринин рассмеялся, и, потянувшись, взял несколько малинок.

– Иди, осчастливь его! – и съел все сразу.

– Нет, ну, а что ты смеёшься? У тебя воруют твоё же имущество, а ты смеёшься?! Кстати, ты проверь, это может быть кто-нибудь из твоих. Девка-то молодая была. Я могу опознать, и Ира тоже.

– Какая Ира? – спросил Маринин, а сам подумал, – как хорошо, что Катя не узнала Надю, наверное, потому что, не разглядела в прошлый раз.

– Игнатьева. Мы с ней вместе были.

– Это та, здоровая, – пронеслось в голове воспоминание. Он знал, что эта Ира к нему не ровно дышит, и это его бесило. Он заметил, что когда нравишься тому, кто тебе не нравится, это как-то раздражает.

– Она такая рослая, но лицо детское и глупое. Вылитая акселератка.

– Вылитая Ира, – усмехнулся про себя Маринин.

– Хорошо, ты её опознаешь и что? Я думаю, не за романтикой она в чужой сад залезла.

– Как ты мне нравишься! Завтра, они к нам в квартиру залезут, а ты и тогда будешь их выгораживать!

– Вот залезут, тогда и видно будет, но поднимать бучу из-за ведра малины – извините! Тем более, она уже не первый год осыпается и гниёт, а тут тебе и ведро принесли, да, ещё и с малиной, а это я тебе скажу, не картошка, поковыряться с ней надо.

– Ой, а, то я не знаю! Ведь ни разу не собирала!

– Тем более.

– Но проблема, то в другом! Может быть, и дом уже по досточкам растащили? Хочешь, не хочешь, но его надо продавать....

– Катя, дом не продаётся, – Маринин сердито махнул на ведро и уткнулся в бумаги.

Катя, скомкав губы, словно хотела их съесть, взяла ведро и затопала к двери, обернулась.

– Съезди, проверь дом.

– Я завтра собирался.

– Матвей?!

– Съезжу. Сейчас не могу.

Как только Катя ушла, Маринин откинулся на спинку кресла и довольно улыбнулся. Потёр глаза и восхищённо покачал головой.

– Ну, коза!

Через минуту вошла вызванная Маргарита Павловна.

– Ритусь, мне надо срочно отъехать, подменишь? – взяв фуражку и сотовый, он направился навстречу.

– Начальник отпрашивается у подчинённого. Забавно.

– Ты отпускаешь?

– Причина уважительная?

– Кто-то в дом залез. Надо съездить, убедиться, что всё в порядке.

– Я уже и забыла, что он есть. Давно не приглашал.

– Не вопрос, – как всегда убедительно соврал он, и почти по касательной поцеловал Риту.

Вмешался рабочий телефон. Маринин обернулся, и, улыбнувшись Рите, радостно, как школьник, сбегающий с уроков, выскользнул из кабинета. Рита тоже улыбнулась, скорее, усмехнулась, и начальственно зашагала на повторяющийся звук.

Маринин был рад. Рад, жизненной хватке этой девочки, рад, что она успела удрать, рад, что свалил с работы, рад, что едет в деревню, и что малина не пропала, рад, что Катя не рада, и что Рита, вроде, рада.

Бросил фуражку на пассажирское сидение, сдал назад, и чуть отъехав от отделения, заметил на тротуаре Аньку. Она, разглядев его в салоне, слегка кивнула, не уверенная, что он видит её. Он тоже кивнул, и быстро уехал. Анька проследила за машиной глазами, и немного постояв, пошла обратно, откуда и пришла, и куда уехал Маринин.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Во двор Маринин вошёл с чувством, которое давно не испытывал. Наверное, потому что, с тех пор, как умерла мать, знал, что тут никого нет, его никто не ждёт, но теперь он был уверен – Надя здесь. И казалось, что за прошедшие три дня, и дом и двор ожили, ощущая её присутствие.

– Всё-таки Катя права, дом – это живой организм....

Он осмотрелся и направился к летней кухне. К его удивлению, в ней не было и следа пребывания Нади.

Дёрнул входную дверь в дом. Закрыта.

– Что, богадул? – бросил Ластик, появившемуся как всегда из неоткуда и скрылся за домом. Осмотрел все окна и под тем, которое находилось в дальней комнате, была не то, что примятая, почти вытопанная, трава.

– Ну, хоть не выбила..., – снова улыбнулся Маринин.

По гнутым веткам малины и опять-таки примятой траве между рядами было понятно, и здесь ступала Надина нога.

Увидев из леска толпу отдыхающих, и поняв, что Надю он всё равно на речке, забитой взрослой и детской полунаготой, не найдёт, пошёл обратно.

Мысли о том, что Надя испугалась и сбежала, были отмечены сразу. Оставалось ждать – ждать темноты и её возвращения, но не пришлось. Слегка опустив голову, на которой по-прежнему красовалась бейсболка, она, морщась, чесала руки и ноги, прислонившись спиной к калитке.

– Пойдём, колхозница. Поцарапалась?

– Пока малину Вашу собирала, ободралась вся, а тут ещё мошकारа! – зло куснула Надя.

– Надо было что-нибудь длинное надеть, чтобы и руки и ноги прикрыть.

Она промолчала, а он вспомнил, что принципиальные девочки чужой одежды не носят.

Подожли к крыльцу.

– Ты как – через дверь или через окно? – Маринин держал увесистую связку ключей.

– Типа, умный? – отбивала атаку гордо закинутая голова, и ленивый рот, отказавшийся произнести два коротеньких слова.

– А что это мы такие хамки? – отбил и он, и почти рассмеялся, не ожидая такой реакции.

– Ну, и чё Вы мне сделаете? – Надя первой прервала молчание.

– В колонию отправлю.

– В колонию суд отправляет, а не Вы. Это, во-первых, а во-вторых, Вы ничего не докажете.

– Докажу.

Надя серьёзно поправила руки на груди, и «поменяв» ноги, приготовилась к важному разговору.

– Тебя на рынке видели человек сто, из них, двое, моя жена и её подруга, опознают тебя стопроцентно! Плюс, отпечатки пальцев на ведре, окне и калитке, а про отпечатки от обуви..., – Маринин глянул на «полуживые» балетки, и ноги, в частных и тонких, красных полосках, и замолчал.

– Ладно, пойдём, демагог.

– А чё Вы обзываетесь всё время?

– А чё нельзя? – спародировал он Надю.

Надя быстро шмыгнула в комнату, и почти сразу скрипнула панцирная сетка. Маринин прошёл на кухню, включил чайник, радио. Заглянул в кастрюльку, стоящую на плите, внут-

ренне облизнулся на мелкую молодую картошку, и сильно удивился, обнаружив в холодильнике продукты, которые не покупал.

– Держи.

Надя повернулась – Матвей Александрович стоял рядом. Она села, провалившись, чуть пододвинулась к краю, к железной перекладине, взяла флакончик зелёнки.

– Щипит, щипит, не могу! Больно...! – вытянутые губы, которых будто бы только что, касалась лимонная долька, старательно дули на выводимые прямые и изогнутые изумрудные линии на ногах.

Матвей Александрович сидел на стуле напротив, сложив руки на груди, и слегка запрокинув и прислонив голову к стене.

– Так, гражданка Белоусова, давай решим, что с тобой делать.

– А что тут решать? Я буду жить здесь, присматривать за домом. Хотите, картошку проплю, я уже даже начала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.